

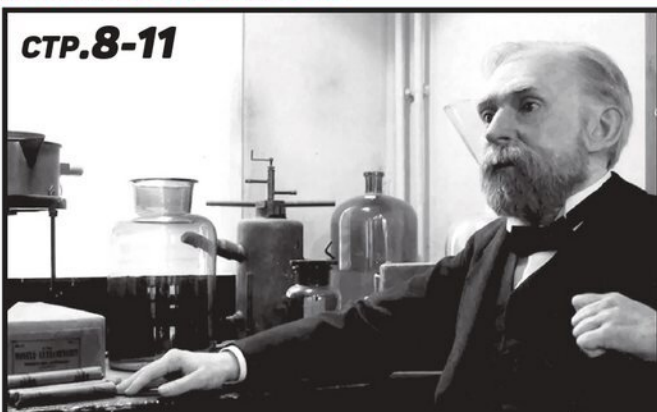
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ОТ АРХЕОЛОГИИ
ДО ВНУТРЕННЕЙ
ЭМИГРАЦИИ

СТР.14-17

СТР.8-11

ПРЕМИЯ ЛЮБВИ

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№42 (175)
ОКТАБРЬ 2023

МОСКВА НА ГУДЗОНЕ

Робин Уильямс
Москва на Гудзоне

СТР.20

СТР.4-7

БЫТЬ СВОБОДНОЙ

ОТ АРХЕОЛОГИИ ДО ВНУТРЕННЕЙ ЭМИГРАЦИИ

Хабаровский журналист, историк, прозаик, член Союза писателей Северной Америки Владимир Иванов-Ардашев, в отличие от многих коллег, мог назвать себя счастливым. Перечень написанных, а главное изданных им книг огромен.

Геннадий Норд

- Вы работали и корреспондентом, и редактором газет, и сотрудником музея, и археологом, теперь известны как писатель. Это сферы схожие, но каждая со своей спецификой. Как вы выбирали профессию?

- Интерес, любовь к делу - это самое заветное, что есть в жизни любознательного творческого человека. Это то, что заставляет его работать, изучать, узнавать все больше и больше. История, археология - моя первая любовь. Интерес к этим наукам появился в детстве, и я пронес его через всю жизнь. Увлечение древними цивилизациями дарит мне свободу. Как бы ни складывались жизненные обстоятельства, археология - та ниша, где можно уединиться, помечтать, вспомнить, узнать не только о прошлом, но и сделать прогнозы на будущее, ведь история повторяется.

Журналистика сначала была профессией, которая дает хлеб насущный. Потом уже стала интересным и сложным делом всей жизни. Опытные журналисты помнят, что раньше не было специализации, приходилось писать обо всем: об экономике, сельском хозяйстве, ударных стройках. Темы были разные - интересные и обыденные, даже скучные. Постепенно я начал понимать, что моя тематическая ниша - краеведение. И стал писать «для души». Материал накапливался, складывались наброски к будущим книгам - очерки, публицистика. До выхода в свет первого романа об археологах я выпустил семь или восемь публицистических книг. Собрать материал для них помогла журналистская и археологическая работа.

- Увлечение местным краеведением и археологией не противоречат друг другу?

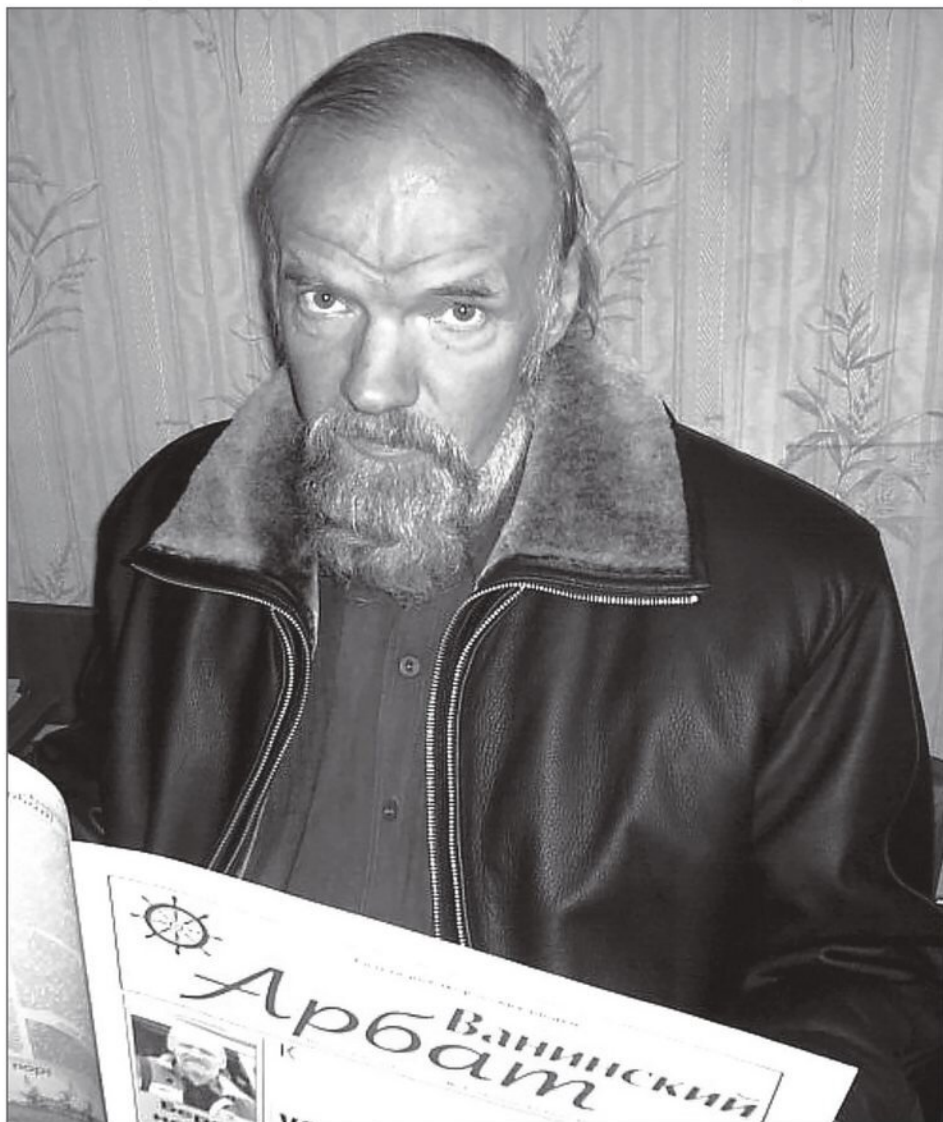
- Как историк, я интересуюсь, даже больше, чем Приамурьем, историей Древнего Египта, Месопотамии, Ближнего Востока в целом. В Приамурье нет таких «роскошных» памятников археологии, как на Востоке. История нашего региона слабо изучена и сравнительно невелика, но интересна.

Некоторые историки не любят, когда их называют краеведами. Мол, я - профессионал, я серьезно изучаю выбранную тему. А краеведение - слишком неглубокая ниша. Я отношусь к этому очень просто. Не считаю исследования краеведов более скромными, чем у историков. Это особый круг интересов, и тоже очень важный. Тем хватило и хватает всем.

- Неисчерпают ли себя эти профессии?

- Когда в Хабаровске открывался музей археологии, мальчик меня спросил: что будет, когда вы, археологи, пооткрываете все памятники. Я ответил, что все древние артефакты никогда не будут найдены. Это, во-первых. Во-вторых, археология сама себя воспроизводит. В этой науке есть разные направления: промышленная, военная и другие. Время идет, рушатся здания, города, промышленные предприятия. Находи из этих мест тоже очень интересные. Через тысячу лет археологи будут так же работать, профессия не исчезнет. Обществу будет развиваться, археология тоже. Это самая возобновляемая наука.

- Археология интересна многим, но работать в этой сфере единицы. Почему?

- Из-за специфики работы. Это очень тяжелый труд, к тому же, печальный. Находить и описывать артефакты, по времени более близкие к нам, - это работа не для слабовольных.

Для занятий археологией нужен Дар Божий, интерес к этой теме, иначе не выдержать рутину. В первые дни экспедиций происходит моментальный отсев. На раскопки приезжают ребята, которые начитались книг, посмотрели фильмов. Им кажется, что сейчас и мумии будут, и сокровища. А поработают день-другой, особенно в дождливые дни и без каких-либо находок, и интерес пропадает.

- В экспедициях, наверное, и времени, и сил для творчества нет?

- Это не так. Среди археологов очень высок процент творческих людей. Большинство очень хорошо рисует - это даже профессиональная особенность археологов. Они - очень хорошие фиксаторы находок. Археологи и реконструкцией занимаются, и рукоделием. Все это помогает представить находки из экспедиций более интересно, выигршно.

В экспедиции условий для творчества, конечно, нет. Но по возвращении впечатления воплощаются в экспозиции, книги. Процент писателей, вышедших из археологов, весьма высок.

- Какие темы вас волнуют, как писателя?

- Одна из тем, которой я долго занимался, - эмигрантская литература. Интерес к ней идет от моего личного опыта, опыта моих знакомых или людей, которые были знакомы с писателями-эмигрантами. Потом они стали персонажами моих книг. «Эхо русского зарубежья» и «Злой рок чужбины» - одни из первых моих изданий. Они содержат переписку с несколькими писателями-эмигрантами. С этой переписки начался мой профессиональный интерес к теме восточной ветви русского зарубежья.

- Почему так важно поднимать архивы, рассказывать о тех, чьи документы хранятся в фондах?

- Это очень важно. Память - самое сокровенное, нужное, то, что человека делает человеком. В разные времена правители пытались стирать память народов, искажать историю. К счастью, она многогранна, многообразна. Информация, артефакты не хранятся в одном месте. Даже если книги где-то когда-то бросали в костер, их копии могут найтись в другом месте, а информация, которую они содержали, сохранится в других источниках. Например, античные рукописи в переводах и оригиналах сохранились на Ближнем Востоке, в Северной Африке. Российские ценные документы пережидали Смутные времена в Европе.

Архивные материалы - это память поколений. Человеческая память избирательна, а документы лгать не умеют. Еще в древние времена архивистов, писцов называли жрецами памяти. Это была почитаемая, уважаемая профессия. В Древнем Египте писцы в иерархии стояли на самом верху, уступая только главным жрецам.

- В легендарном Ванино, что на берегу Татарского пролива, издавалась газета, которую и саму вполю называли легендарной, ибо разлетелась этими бумажными журавликами по городам и весям нашей необъятной страны и даже «упорхнула» в Австралию с Америкой, к потомкам русских эмигрантов. И хотя выходила недолго, получила хорошие отзывы от писателей, наших и зарубежных, поскольку газета была для творческих людей и напоминала о юности и былых надеждах. Вы работали в этой газете. А в первом номере был брошюрный заголовок - «Узник Ванинского острога». Это о ком?

- Об удивительном человеке и моем давнем знакомом Валерии Юрьевиче Янковском, имя которого так хорошо знакомо дальневосточным литераторам и краеведам. В ту пору ему шел девяносто пятый год, и мне очень хотелось побывать в поселке Ванино, где Валерий Юрьевич оказался в качестве арестанта и, познав все «прелести» лагерной пересыльной зоны, отправился в корабельном трюме на Чукотку, чтобы еще много лет кайлить мерзлую чукотскую землю.

- И еще насчет «Узника Ванинского острога». Вы-то сами не считали себя «узником» журналистики?

- Нет, конечно. Разве что «узником» мечты, но это и неплохо. А вообще хотел бы вновь пуститься в творческое плавание.

- Что нужно, чтобы делать газету?

- Для этого нужно быть, прежде всего, творческим человеком и журналистом, а деньги и менеджмент - дело второе, хотя кто-то считает, что будут деньги, а остальное уже не важно. Но это не так. Меняется общество, меняются технологии, но журналист остается главной фигурой в газете.

Журналистику как профессию уже много раз хоронили, предсказали исчезновение бумажных изданий, а они были и еще долго будут. Лет сто назад даже сочинили анекдот, что радио никогда не победит газету, поскольку в радиоприемник колбаса не завернешь. Конечно, шутка. Но информационное поле формируют журналисты, а не бухгалтеры и рекламные агенты, хотя и они нужны.

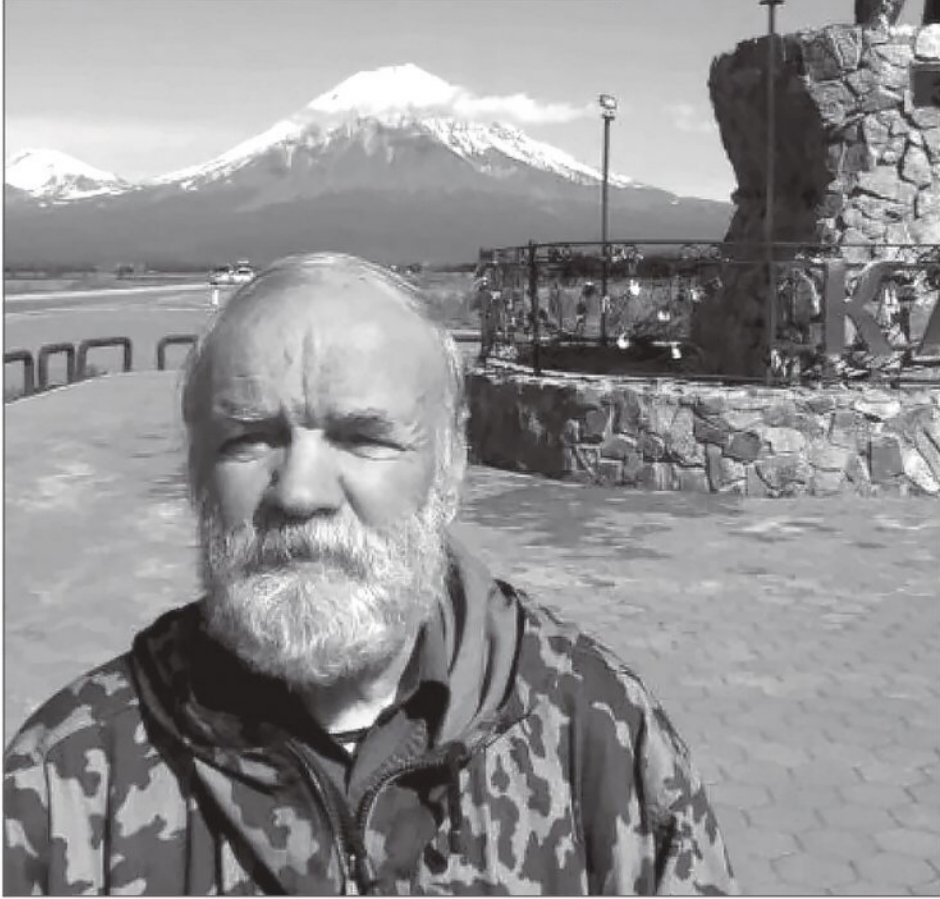
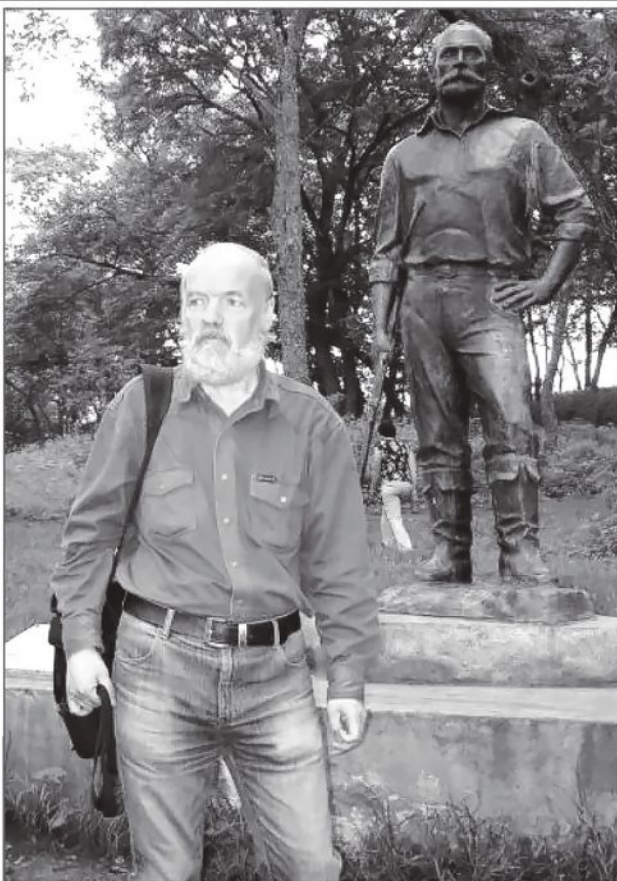
Если газета рекламная или из одних объявлений, тогда можно обойтись и без репортеров, но это уже не журналистика.

Журналист, кстати, может творить где угодно и на чем угодно, даже в окопных условиях. Газеты были и у батки Махно, и у белых казацких атаманов, понимавших не хуже большевиков ценность печатного слова.

- Расскажите о своем пути в журналистику?

- Мне повезло, что в детстве жил в доме, где было несколько профессиональных журналистов, причем двое - Герман и Вадим были моими однофамильцами, а Людмила Лазаренко как театральная критик увлекательно рассказывала об искусстве. В гости приходили творческие люди - писатели, художники, музыканты, так что воспоминаний хватает.

Да и начал я публиковаться еще школьником и сразу - в краевой газете «Моло-

дой дальневосточник», что определило качественную планку. Это сейчас многим кажется, что в журналистике исчезли карьерные «ступеньки» и можно сразу заскочить на крышу литературного трамвая, но это не так, на одном взезении и знакомствах далеко не уедешь, нужно еще и вкалывать, шевелить мозгами.

Учился, но недолго, поскольку был горяч и прямолинеен, на отделении журналистики Дальневосточного университета во Владивостоке, этот вуз и еще уральский были «кузницей кадров» для хабаровской журналистики. Главной школой для газетчиков всегда были редакции, вот их-то я и прошел, поработав во многих газетах, на радио и телевидении и, пройдя все ступеньки от корреспондента до редактора и директора СМИ.

Окончил исторический факультет Хабаровского педагогического института.

В КПСС никогда не состоял, но консультировал коллег-журналистов по истории партии, коль нам ее основательно преподавали.

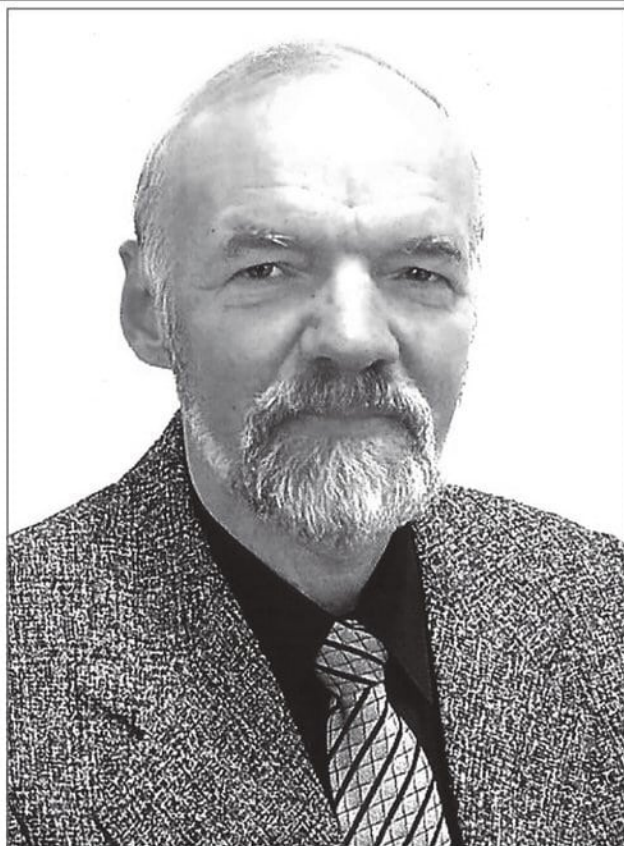
- В своем романе «Судьба оружейников» вы показали поколение, сидящее на чемоданах. Так, может, и сам автор подумывает куда-нибудь уехать, прочь от дальневосточной земли?

- Я уехал давным-давно, в глубины своей памяти. Что-то вроде духовной эмиграции, обращенной внутрь себя.

- А это не эпитафия, желание выделиться?

- Вовсе нет. Просто реакция на обстоятельство. Как-то не хочется жевать информационный попкорн, выдаваемый нынче за культуру. Что касается

Окончание на с. 16

Окончание. Начало на с.15

общения, то при нынешней технологии это просто - щелкнул компьютерной «мышью», и тебя услышат где угодно. Только виртуального общения мало, а наши книги уже кажутся устаревшими, где им конкурировать с электронными шукувинами.

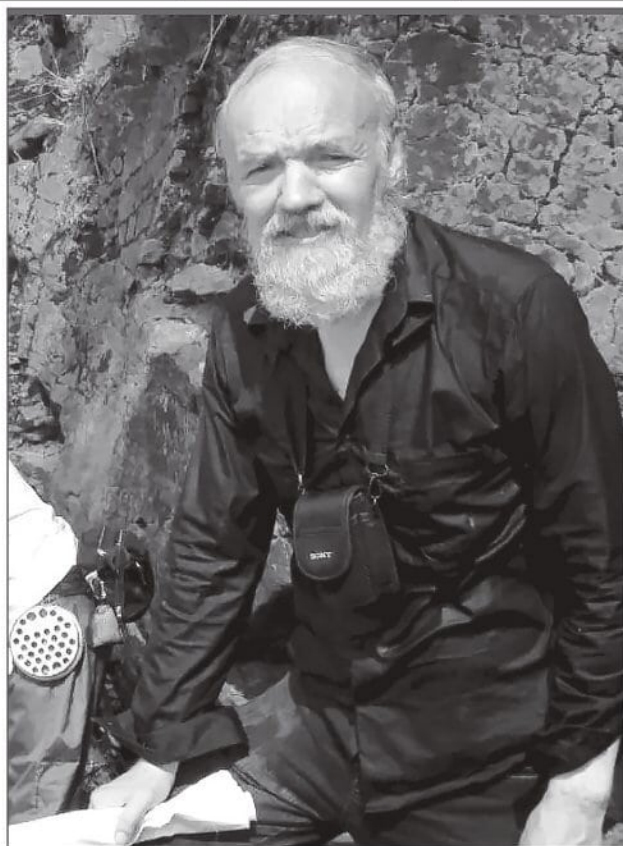
- Но ведь и книги можно оцифровать, почитать где-нибудь в парке, сидя на скамеечке?

- Дело не в технологиях. И я не такой уж консерватор, чтобы работать на ста-

рой пишущей машинке, когда под рукой компьютер. Просто нас разметало не только географически, но и психологически, по разным эпохам. И я, например, все больше убеждаюсь, что живу в чем-то похожем на Владивосток времен гражданской войны, когда творческой интеллигенции все надоело, все сидят на чмодах, а город дрейфует в неизвестность.

- Какой вы, однако, капризный! Хотите новых впечатлений?

- Да их у меня и так хватает. Еще когда работал журналистом, немало по-

ездил по трассе БАМа, видел остатки сталинских лагерей и строительство новых поселков, был собором «Молодого дальневосточника» в Амурске и Комсомольске-на-Амуре. Так что города бывшей комсомольской славы знаю не понаслышке.

- А сейчас вот грустите, да еще и запечатлели это в романе «Судьба оружейников». Как не стыдно бывшему комсомольцу!

- И не говорите. Оптимизм ведь нам прописывали сызмальства, и я, как бы то ни было, вспоминаю с грустью свою ком-

сомольскую юность. Но слушать сейчас легендарного певца Дина Риды, прыгавшего по крышам бамовских вагонов, уже не хочется. «Ибо все прошло, и это пройдет тоже» - сказано еще в Екклесиасте.

- Потянуло на библийскую тематику?

- Почему бы и нет. Я ведь историк по образованию и привык к руинам древних цивилизаций. Кстати, тогдашняя крылатая фраза «Перекуем мечи на орала» тоже взята из Библии, от пророка Исайи, который в нынешние времена мог бы стать отличным радиожурналистом.

- Вы ведь, кажется, романтик? И у вас все та же тяга к таежным походам, археологии...

- Я уже говорил, что археология - это свобода, и если бы не она, то наша эпоха показалась бы довольно унылой. Хотя и в древнем Вавилоне и Риме, я думаю, было не ахти как комфортно, особенно - к концу империй, когда девиз «хлеба и зрелищ» становился главным.

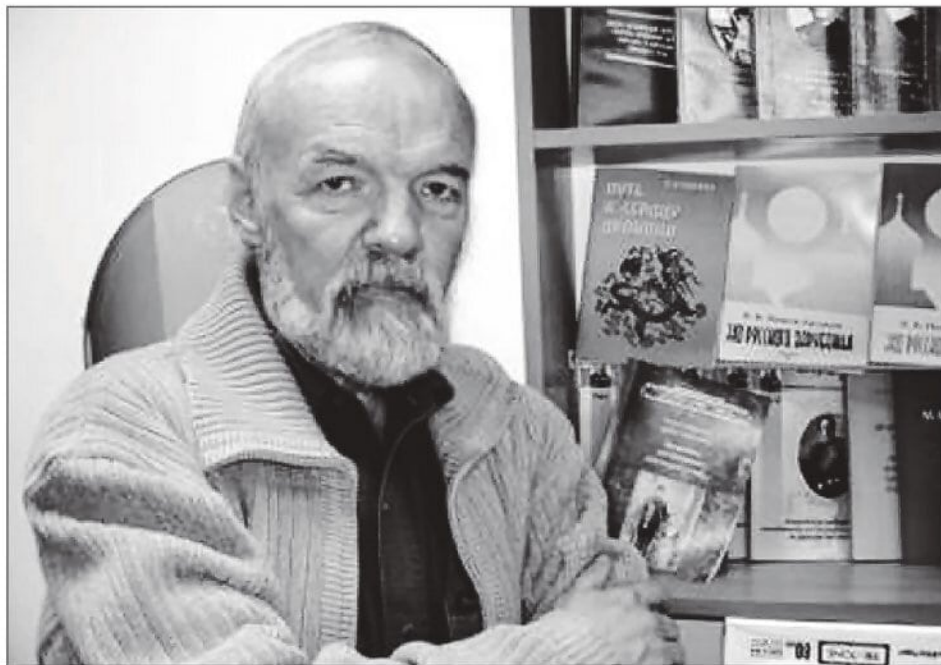
- Вам удалось передать горечь девятых годов. Но ведь выросло новое поколение, и не всем детям родители желают поскорее уехать в теплые края. Сами бы хотели вернуться в свой оружейный город?

- А я его мысленно никогда и не покидал. Вот уж не думал, что можно так сродниться со своими литературными персонажами. И они мне не безразличны, хотя и живут своей виртуальной жизнью.

Я люблю своих персонажей и сделал их добрее, чем в реальной жизни. Но они по-прежнему в густе сомнений и кто-то пакует чемоданы, сердито сжимая кулаки. А кто-то и вовсе махнул рукой на отечество, подавшись в дальние страны. И это - реальность уже наших дней.

Хотелось бы верить, что все еще изменится к лучшему, и нынешний отток молодежи из страны вполне обратим. А пока - сомнения и горькая усмешка от несбывшихся надежд. Неужели, скажем: прощай, романтика? Гуд бай, мечты?

- Злой рок. Как в вашей книге. А есть ли этот самый злой рок или

мы, по примеру давних эмигрантов готовы и впредь «накручивать» тему, проливая реальные и надуманные слёзы?

- Вообще-то фразу эту, о злом роке, тяготевшем над русской общиной в Шанхае, я вычитал в одной из эмигрантских газет и вынес в заголовок книги, что, наверное, оправданно. Хотя некоторые бывшие эмигранты, вернувшиеся из Китая, деликатно журили, мол, не такая уж и плохая жизнь была там, на чужбине. Да и какая уж там чужбина, в «русской Маньчжурии», если её с грустью вспоминают до сих пор.

- А Вам-то какое дело до этой самой Маньчжурии?

- Так ведь она у нас совсем рядом, всего в нескольких километрах от Хабаровска. Уже и на Большой Уссурийский остров «переманула», где создается нечто огромное и пока что туристическое.

А вообще я когда-то грустно пошутил, что если мой именитый однофамилец писатель-эмигрант Всеволод Никанорович Иванов вернулся из «желтой» Маньчжурии в «белообрый» Хабаровск, то как бы и нам не оказаться на старости лет в «русской Маньчжурии», только «переманувшей» на российский берег.

- Но ведь еще не переманула?

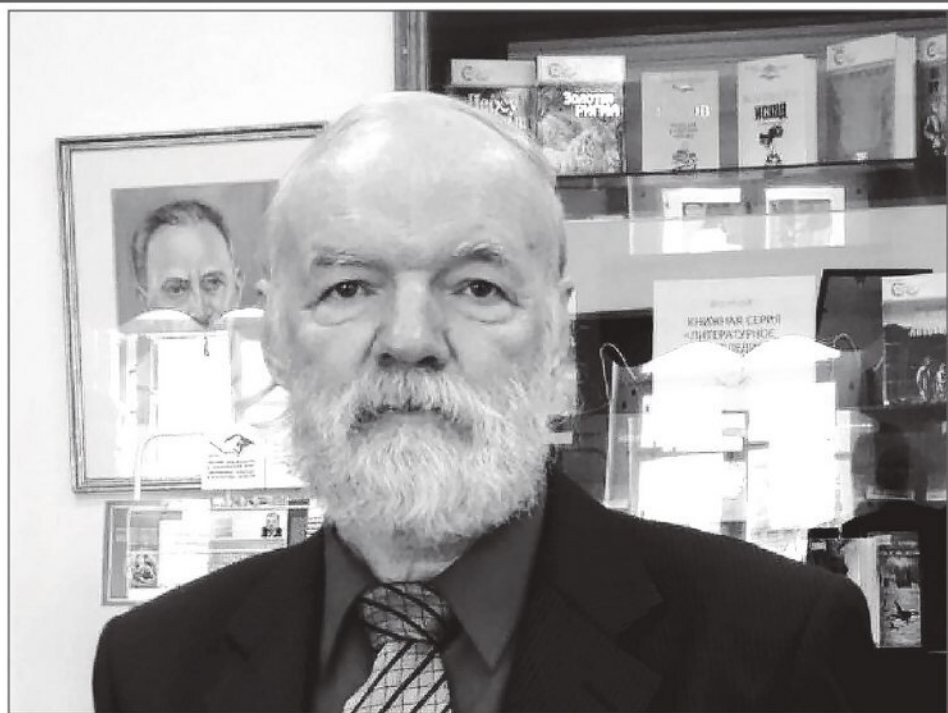
- Пока что нет. Но дело даже не в этом, а в чувстве обреченности и ненужности родному Отечеству.

- А вы не преувеличиваете? Ведь у литераторов богатое воображение.

- Так я еще и историк, занимаюсь этой темой профессионально. Опубликовал статьи о русских эмигрантах и книгу очерков об археологах «Тайны забытых этносов». И не хочу, чтобы мы, россияне, оказались среди этих самых забытых приамурских этносов.

- Ну, до этого еще далеко.

- Как знать? Нынешнее Приамурье, вернее, его периферийный статус всегда давал о себе знать. И до революции политики привычно использовали слово «колонизальный», не видя в этом ничего зазорного, а просто называя вещи своими именами. И пытались освоить эту территорию, порой энергично, как Столыпин. Но Дальняя Россия, как её тогда называли, всегда оставалась дальней, обособленной и ущемлённой, хотя и весьма зажиточной, и этим достатком

старожилы гордились. И не надо винить потомственных сибиряков, что называли «голытьбой» новосёлов, ведь именно крепкий сибирский мужик из сыльных и староверов, а не какие-то поздние бедолаги и авантюристы, создавали упрямых и сильных хозяев, позже погубленных сталинскими репрессиями.

Предки мои тоже из тех упрямых строителей, что крепко держались за семейные предания, подкреплённые к тому же архивными данными. Поэтому три столетия жизни в Забайкалье, на Енисее и Амуре, коими я обязан своим предкам

по отцовской линии, дают право быть недоверчивым и поглядывать с усмешкой на тех умников, что пытаются учить нас безоглядному оптимизму и вере в светлое будущее региона. Нет этой веры, пошатнулась. И дай Бог ошибиться в прогнозах.

- Ну, зачем же так сурово? Вы же историк, изучали и не такое лихолетье.

- Да. Только нынче всё сложнее и не столь явственно. Речь не идёт о сдаче Приамурья как таковой, хотя и это не исключено. Просто мне как историку

и литератору, поработавшему когда-то на БАМе и в музеях, приходится рыться не только в информационном черномёме, но и в шлаке. Видел и старую, еще гулаговскую, трассу БАМа, и рождение, и крах таёжных городов.

Но вернёмся к теме Русского зарубежья. Вы, наверняка, слышали о той сытой и благополучной жизни, в коей пребывали наши маньчжурские эмигранты. Так какого же хрена они ностальгировали в этой самой «русской Маньчжурии»?

- Действительно, почему?

- Видать, натура у русских такая. Хотя там были и поляки, евреи, грузины. И тоже почему-то грустили о сопках Маньчжурии. И даже японскую оккупацию вспоминали без злобы, мол, была да сплыла, нас-то не трогали. И я вспоминаю, с какой лёгкостью один мой знакомый писатель получил от японцев разрешение на таёжную усадьбу и несколько бесплатных винтовок, как местным китайцам и корейцам были строжайше запрещены.

Да и гонорары у русских журналистов, работавших в китайских и японских СМИ, были отменные, а всё равно маялись, кто-то и попивал, сводил счёты с жизнью.

Зато гонора у наших будь здоров! Помню, как еще один знакомый писатель-эмигрант, мнивший себя знатоком Китая, брезгливо отозвался о маньчжурской специфике, а еще одна русская бабуля, прожившая в Харбине почти сто лет, даже гордилась, что так и не выучила чужой язык. Вот такие мы, россияне!

Не то, чтобы маньчжуры и китайцы в восторге от русских корней Харбина, но относятся дружелюбно. Так что «страшилками» о возможной экспансии с юга нас не испугаешь.

И если бы речь шла просто о Маньчжурии, то, наверное, не стоило бы и волноваться. Но дело в том, что сейчас, как никогда ранее, ощущаешь полное безразличие центра к судьбам дальневосточников.

Не надо только упоминать всякие там международные саммиты и прочие амбициозные проекты, от которых простым людям мало проку. Да и писателям тоже. Вы что-нибудь слышали о творческих командировках на «совместные» стройки? Я - нет, да и не очень хотел бы писать рекламную «заказуху». Тут бы выжить, что-то опубликовать. А кто-то уезжает либо замыкается в себе, уходит в духовную эмиграцию. Для меня отдушиной стала археология. Но не будешь же грезить одними лишь охотниками на мамонтов.

